

Юрий
Поташников

ДРУГАЯ КОЛЕЯ
ДРУГАЯ КОЛЕЯ

Юрий
Поташников

ДРУГАЯ КОЛЕЯ
ДРУГАЯ КОЛЕЯ

Стихи

W. H. Brown

Юрий Поташников

ДРУГАЯ КОЛЕЯ
ДРУГАЯ КОЛЕЯ

Стихи

ТВЕРСКОЕ ОБЛАСТНОЕ КНИЖНО-ЖУРНАЛЬНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
2004

Художник
В. М. ВЕСЕЛОВ

Поташников Ю. М.

ДРУГАЯ КОЛЕЯ: *Стихи.* – ГУПТО “Тверское областное
книжно-журнальное издательство”, 2004. – 64 с.

ISBN 5-85457-221-4

© Поташников Ю. М., автор, 2004.

© ГУПТО “Тверское областное
книжно-журнальное издательство”,
2004.

© Веселов В. М., художник, 2004.

КИРПИЧИК С ЛИЧНЫМ КЛЕЙМОМ

Неизбывна тяга человека к иносказанию. Бывает, что, сам того не сознавая, он создаёт выразительнейшие метафоры. Шофёры называют стеклоочистители кратко и точно: дворник. Симпатичные цветки народ величает анютиными глазками и незабудками. Наждачная бумага стала шкуркой. Мороз стеклит лужи. Лёгкий дождик при свете солнца – царевна плачет. Да мало ли в нашем языке таких маленьких народных шедевров. Одни загадки чего стоят!

Нисколько не преувеличивая, можно сказать, что поэзия для человека всегда была наподобие хлеба насущного. И многие, очень многие пробуют, как и прежде, свои силы в стихосложении. Правда, успеха добиваются единицы: талант редок, а в дополнение к нему “труд упорный”, по определению А. С. Пушкина, далеко не всем по плечу. Однако же не профессионалы, а, так сказать, любители иногда становятся классиками литературы. Тут, пожалуй, уместно вспомнить высокопоставленного дипломата А. С. Грибоедова, торговца скотом А. В. Кольцова.

Имеет ли право на существование любительская поэзия? А почему бы и нет? Ведь главное-то – результат, который может оказаться весьма своеобразным. В этом я убедился, когда впервые познакомился с творчеством Юрия Поташникова. Истинный, активно

мыслящий интеллигент, доктор наук, профессор-химик всегда тяготел к выразительному русскому слову. Язык его стихов чётко и ясен, как формула. Главное же, он хорошо знает, о чём он может и должен сказать и как наилучшим образом это сделать.

Двадцать остановок
До Свердловска.
Двадцать вздохов.
Двадцать взглядов вслед.

Или вот стихи о новогоднем мгновении, отделяющем год ушедший от года грядущего, воспоминание от предвидения:

Двузначен.
Двунаправлен
и двулик.
Миг обретения
и миг потери.

Впрочем, читатель и сам найдёт в этой книжке немало примеров истинно поэтического восприятия жизни.

Конечно, этот скромный стихотворный сборник – всего лишь маленький кирпичик в монументальном здании отечественной словесности. Но, согласитесь, приятно сознавать, что на этом кирпичике навсегда останется личное клеймо автора – Юрия Поташникова.

Александр ГЕВЕЛИНГ

“Незримым кодом дальняя звезда...”

---

* * *

Отцвелось.
Отгрохоталось грозами.
Отгрустилось
криком журавлей...
Радио не радует прогнозами.
Только ты об этом
не жалеи!

Разгони дурное настроение,
запахни пальтишко
на груди
и в места уральские осенние
попрощаться с летом приходи.

Приходи на те вершины синие,
где росли грибные острова,
где под алюминиевым инеем
пламенеет ржавая листва.

Где рассвета плесень
светло-серая
обволакивает небеса,
где о снеге, что приходит
с севера,
размечтались стальные леса.

Где стоят осины полусонные,
где озёр немеренная глубь,
где рябины гроздьё раскалённые
заждались твоих прохладных губ...

* * *

Есть в увядании природы
и грусть, и нега,
и покой.
Но осень буйной, смелой, гордой
мне представляется порой.

Когда нагрянут авангарды
кинжальных северных ветров,
когда метель картечным градом
ударит изо всех стволов, —

как будто генерал пленённый,
перед врагом стоит она.
А ветер рвёт с неё погоны
и золотые ордена...

* * *

Отзвенел, отгорел закат.
Вечер пахнет, как сенный стог.
Над кустами жуки жужжат
и тихонько журчит сверчок.

Запорожье.
Весна.
Война.
Очарованно вишни стоят.
Космы туч стряхнула луна,
ослепила старинный сад.

Лёг полосками лунный свет.
Под деревья тени ушли.
И белеет вишнёвый цвет,
как седые кудри Земли.

Горемычная
седина...
Непривычная
тишина...
Захлебнулась Войной
весна...
Подавилась Весной
война!

* * *

Помню: сорок пятый,
Запорожье,
Днепр, раскованный
и неуёмный.
Я у днепрогэсова подножия
слушаю свой “радиоприёмник”.

Сколько звуков
в маленькой коробке!
Треск разрядов,
слабый писк морзянки,
дальний грозный гул
артподготовки
и натужное рычание танков!

Флаг Победы
реет над рейхстагом,
но “эфир” тревожен
и неистов.
Слышу я:
“Восстала Злата Прага!
Злата Прага русских ждёт
танкистов!”

Девять дней осталось жить
до мира,
девять,
по-весеннему коротких.
Но ещё над миром
стонут мины,
писаря штампуют похоронки...

Днепр течёт, холодный
и гривастый,
и пороги сплошь от пены седы –
памятники горечи
и счастья
всем, стоящим
у Ворот Победы.

...Те минуты
жизни многотомной
не забыть,
не вычеркнуть,
не вычесьть.
Где ты, детство?
Где ты,
мой “приёмник” –
майский жук
в коробке из-под спичек?

НИЖНИЙ ТАГИЛ

Это очень странно
с непривычки:
горы,
лес,
мельканье хвойных игл, –
вдруг на повороте
в электричку
с грохотом врывается
Тагил!

Вот он, город –
весь в трамвайном звоне.
В самом центре,
как музей,
завод.
Северо-восток
в тумане тонет,
юго-запад –
синевой цветёт.

Погоди, проезжий!
Стой, прохожий!
Посмотри на заводской
пейзаж:
вот гора Высокая
итожит
свой рабочий
трёхсотлетний стаж!

Каменные трубы
в небо лезут,
словно древки
сказочных знамён...
В облике Тагила
культ железа
с дедовских времён
запечатлён.

С давних пор —
с демидовских,
с петровских,
со времён
мечей и катапульт
здесь бытует культ
людей в спецовках —
самый справедливый в мире
культ!

И гудит
железная работа
день и ночь
у огненных горнил...
Поезд прибывает.

Вот он!
Вот он!
Вот он,
замечательный Тагил!

* * *

Вижу нежную зелень
под снегом:
чуть прорвалась из тьмы.
Не поспела за бешеным бегом
оголтелой зимы.

Обманулась приветливым светом
и последним теплом.
На короткое бабье лето
положилась во всём.

Будет спать под морозным наркозом,
видя тёплые сны...
Подожди, запоздалая озимь,
настоящей весны!

* * *

В поэзии все формы бытия
приобретают чудное значение:
и *прозябанье нив*,
и бег ручья,
и время,
и пространство,
и движение.

Она для нас особый мир творит,
но слышится
от африк и до азий,
когда она земной струной звучит
иль в небо бьёт
фонтанами фантазий.

Правописанья
ей не нужен храм:
подвластная языческому богу,
она даёт вторую жизнь словам,
привычным,
как разношенная обувь.

Родимый. Вспять. Намедни. Вопреки...
Пускай века над ними пролетели,
но корни слов
по-прежнему крепки,
и их всегда
проверить можно в деле.

Поэзия на слух приемлет свет
и видит музыки цветные звуки.
...И, как хирург, порой берёт поэт
сердца людей в свои святыя руки.

* * *

Когда перрон бесшумно поплывёт
и за собой судьбу мою поманит
и мой
непотопляемый "Титаник" –

“Пятнадцать-дробь-шестнадцатый” –
пойдёт
в последний рейс,
в последний мой поход, –
вокзал Казанский
проклинать не стану
и лишь в последний раз благословлю
большое плаванье
большому кораблю,
мой фирменный “Урал”,
проводника Светлану
и всё, что я теперь
лишь издали люблю.

* * *

Это так, к сожаленью:
имеем – не ценим,
потеряем – жалеем,
что не ценили.
Это верно,
что всё познаётся
в сравненье
и что всё относительно
в этом мире.

Чтоб познать до конца
прямизну автострады,
надо долго
без толку
плутать по просёлкам.

Может, счастье
порой
расколачивать надо,
чтоб его чистоту
проверять по осколкам?

Да, не будет,
не будет
страшнее напасти,
если вам на беду
и народам на горе
вас разделят,
разрежут,
разрубят на части,
Таллинн,
Тверь,
Ереван,
Агудзера
и Гори!

Сколько стоит рассвет
в исторической дали?
Сколько надо скитаться
в саянах,
в синаях,
чтобы
воздух свободы
мы не ощущали,
угнетенья не помня
и рабства не зная?

Видно, надо уйти
в несуразные нети,
чтобы близость пришла
и была неразрывной,
словно решка с орлом
на старинной
монете,
словно небо с землёй
в грохотании ливня!

ДЖОРДАНО

За окнами – тяжёлый топот
стражи.

А бег Земли
в пространстве невесом.
Наутро – казнь.
Какое слово скажет
Джордано Бруно,
стоя над костром?

Проигран бой.
И нету сил бороться.
Клянут еретика и чернь, и знать.
Не лучше ль – просто
радоваться Солнцу,
чем солнц иных величие признать?

И вот рассвет.
И в тишине – набатом,
над онемевшей

площадью Цветов
гремят слова,
как расщепленный атом,
гремят слова о множестве миров!

...На Байконуре
тяжкий грохот взрывов,
но бег Земли в пространстве
невесом.
В миры иные целясь горделиво,
ракеты покидают космодром.

* * *

Всё больше
с каждым днём становится поэтов,
всё больше средних среди них,
всё меньше
гениев.
Эстеты горько сетуют
на это,
грозя поэзии глобальным осреднением.

Не знаю, хорошо ли это,
плохо ль,
что на Парнас полегче стало
с визами,
но только мне
один дороже Гоголь,
чем кукольников целая дивизия.

Пусть годы вскачь –
не сетуй
понапрасну.
Пусть дни в галоп –
гони печаль с лица!
Не бойся старости –
душа ей неподвластна.
К тому же
нет у старости конца.

У детства – есть:
недолго колобродит.
И молодость –
падучая звезда...
А старость –
не уходит,
не проходит,
и с нами остаётся навсегда.

РОЗЫ ДОНЕЦКА

Лист сухой в россыпь
вдоль прямых линий.
По утрам рос сыпь
Застывает в иней.

Только буен роз цвет,
будто не зима им:
розовеет рассвет
вслед птичьим стаям.

И такая в них статья,
такая вера,
будто вечно сиять
им в донецких скверах.

* * *

Снег шёл всю ночь.
Всю ночь метался вихрь.
Под утро задремал.
Позёмка чуть струится.
И вновь встаёт
миллиардолетний мир,
как чистая,
безмолвная страница.

На ней ни слов,
ни красок нет,
ни нот.
Лишь белизна
холодной снежной дали.
Какой роман
напишет Новый Год
на этой
незапятнанной
скрижали?

Они такие разные – года.
Один обделит.
А другой одарит.
Одно лишь повторится,

как всегда:
нас *Миг* под Новый Год
на *Год* состарит.

Он словно бы
вне времени,
тот миг.
Он словно бы не *После*.
И не *Перед*.
Двузначен.
Двунаправлен
и двулик.
Миг обретения
и миг потери.

И в этот миг
мы ощутим разлад,
как будто
на вращающейся сцене:
идёшь вперёд,
а движешься назад,
одолевая некое смещение.

...И будет так легко
в тот странный миг
простить врага
и с другом помириться.
И ждать рассвет
И вновь увидеть мир
как новую
и чистую страницу.

БАЛЛАДА О ХИРУРГЕ

Всё кончено,
но словно по инерции,
не чувствуя затекших рук,
ты мнёшь и мнёшь
безжизненное сердце,
и ждёшь, и ждёшь,
что вновь забьётся вдруг.

И снова тихо в операционной.
И снова из-под рук
уходит жизнь...
Выносят
простыней багровые знамёна.
Иди, хирург,
страдай, жалея, казись.

Теперь – не страшно,
не смешно, не больно.
Ни на кого стараясь
не смотреть,
Выходишь ты
из операционной,
Выходишь ты,
не победивший смерть.

Приучен с детства
в чудеса не верить,
ты совершил
немало дивных див.
Не раз,
вступая в смертный бой

со смертью,
ты побеждал –
не будь несправедлив.

Ты помнишь,
как на фронте, безоружный,
рыдал
над первым в жизни мертвецом?
Каким далёким, жалким
и ненужным
тебе казался вузовский диплом!

...Но сквозь гремящий строй
военных суток
студенческий билет
пронёс солдат.
И стал тебе
родным мединститутом
усталый и бессонный медсанбат.

Пришли к тебе
и опыт, и седины.
Прошли недаром долгие года:
сейчас, хирург,
ты спас бы половину
из тех солдат,
что умерли тогда.

Не слушай
голос внутренний
упрёков.
Над цепью неудач
не цепеней.

Не говори,
что слишком мало проку
от всех твоих учёных степеней.

Ты сделал всё,
и зря себя не мучай.
Встаёт рассвет,
роняя тени с крыш.
Сегодня
снова будет трудный случай.
Сегодня ты, я верю, победишь!

* * *

Люблю стихи глубокие,
как море:
В них целый мир
таинственно сокрыт.
Люблю стихи высокие,
как горы:
В них каждый звук
обвалы чувств таит.

Люблю стихи
за обнажённость истин,
за музыку,
что вечно в них живёт.
Люблю стихи,
в которых мысль, как выстрел
без промаха,
в глубины сердца бьёт.

Провинциальные перроны.
Стремительные поезда.
Теснит зелёные вагоны
зелёных елей череда.

Киоск. Палатка. Тётки.
Склока.
Пристанционный магазин.
Голодный пёс
с глазами Блока
спешит на запахи корзин.

Дежурная с флажком
сигнальным,
ко лбу ладошку прислоня,
со строгостью
провинциальной
взглянуть успела на меня.

Мелькают окна золотые.
Дымок махорочный плывёт.
Провинциальная Россия.
Туземный кругооборот.

От лихолетья —
к лихолетью.
Всё злее, злее холода.
Но, как всегда, мне машут
дети —
предбудущие господа.

Опять в России тлеют гари.
И снова Вера нас роднит:

Русь
всё снесёт и переварит,
пережуёт и переспит.

Провинциальные перроны.
Несбывшиеся города.
Летят роскошные салоны
из ниоткуда в никуда.

Храпят стреноженные кони.
И снова — лес,
и ели в ряд.
...Девчонки взгляд
из-под ладони.
Самой России строгий взгляд.

* * *

Солнце греет и светит,
не требуя платы
за киловатты.
Нам бы так греть
и светить
на зелёной Планете:
мы её дети.

Так почему же мы
в тёплой и светлой
Отчизне
катимся к тризне —
рыщем упорно и слепо
в глухой круговерти
в поисках смерти?

Нет, не могу,
не хочу,
не желаю смириться,
в землю зарыться!
Ядра, остыньте!
Атом, работай смиренно,
а не геенно!

Будь, Человек!
Будь всё живое:
летай или ползай
с Божией пользой!
Будь для добра.
Будь ты, Бен Ладен,
будь ты неладен!

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЭТЮД

Ни зрителей,
ни судей.
Только стены.
И эта девочка перед тобой.
В десятый раз
звучит этюд Шопена,
в десятый раз
ты вскрикиваешь:
“Стой!”

Ты знаешь –
будут мастерские баллы
и зритель
вместо равнодушных стен.

И снова,
снова
тишину спортзала
взрывает
негодующий
Шопен!

БАЛЛАДА О СОСНЕ

Топь растянулась,
словно просека,
раздвинув сосен позолоту.
И только маленькая сосенка
шагнула смело на болото.

На кочке, в травяной охапке,
вся с пятилетнего мальчишку,
стоит, зажав в зелёной лапке,
как талисман, сухую шишку.

Стоит открыто, как оратор,
перед толпой замшелых кочек.
Стоит упрямо, как оратай:
болоту нивой стать пророчит.

И я на миг представил поле
в разливе зреющей пшеницы,
сосну на вольном суходоле,
что гибкой мачтою кренится...

Наутро я пришёл с лопатой
и, корешки ослабив нежно,
пересадил “мелиоратора”
на косогор, в песок прибрежный.

Потом три дня водой отпаивал,
вокруг ствола всю почву
выдернил.

Слегка селитрою присаливал,
Боялся, как бы кто не выдернул.

Всё лето любовался сосенкой,
но лето быстро пролетело.
И вот пришёл однажды осенью,
смотрю – засохла, пожелтела...

Стоит такая одинокая,
прямая, гордая, холодная.
А перед ней река широкая,
за ней – равнина хлебородная...

Я думал о таком феномене,
перебирал иголки строгие.
Нет, дело тут не в агрономии.
Вся суть в бунтарской психологии.

Сосна, как видно, знала главное
в своём земном существовании:
вести сражение неравное,
иметь высокое призвание.

Питать надежду
в безнадежности —
нет, не на памятник при жизни —
на квант тепла,
на каплю нежности
своей болотистой отчизны!

Я оторвал её от подвига,
от дерзости и от витийства.
Она сочла всё это подлостью.
И кончила самоубийством.

* * *

Двадцать остановок
До Свердловска.
Двадцать вздохов.
Двадцать взглядов вслед.
Двадцать раз подумать,
что не просто
расставаться
через двадцать лет.

Двадцать раз
швырнуть в окно монету.
Двадцать раз —
да сбудется хоть раз!
Пусть хоть раз,
но я к тебе приеду.
Ну, хоть раз —
на день, на миг, на час.

...Двадцать раз
сойти на полустанке.
Двадцать раз
вдохнуть тебя, выпить,
незнакомой женщине
в Шайтанке
доброго здоровья пожелать.

Двадцать раз
подняться на вершины,
где ветра
берёзам кудри вьют.
Двадцать раз
запечатлеть картину:
лес,
гора,
завод,
посёлок,
пруд.

Двадцать раз
пройти по зыбким стланям.
Двадцать раз –
не поминайте зла!
Двадцать раз,
как музыка названия:
Та́волги...
Быньго́вский...
Шурала́...

Двадцать раз
пожать, как другу, руку.

Двадцать раз –
зелёный дан сигнал!
Двадцать раз –
нам не страшна разлука:
ты – во мне,
а я – в тебе,
Урал!

* * *

Незримым кодом
дальняя звезда
пронизет сердце,
голову закружит...
И стих, как шевеление плода,
почувствовав,
что стал кому-то нужен,
возникнет –
и запросится наружу.

Тогда, как на качелях,
вверх и вниз,
я закачаюсь
на веригах строчек...
Не я пишу,
а мною пишет жизнь:
то плачет,
то смеётся,
то пророчит.
Как знает,
как умеет,
как захочет.

КАЛЕНДАРЬ ДВАДЦАТОГО ВЕКА

Летят, летят последние
дни двухтысячелетние.
Наш век уходит
в прошлое –
великое и пошлое.

И годы века разные,
прекрасно-безобразные,
сложатся в нашей памяти,
как снеговые намети.

Десятые – серебряны.
Двадцатые – перевраны.
Тридцатые – предгрозные.
Сороковые – слёзные.

Пятидесятых не было.
Война по ним проехала.
А за шестидесятыми
взросли грибами – атомы.

В семидесятых силы
лишь на зарю хватило.
Прошли восьмидесятые.
Геронты глуховатые...

Проплыли девяностые,
идейные, да постные.
...Мы доживаем соточки.
Давай за них – по стопочке!

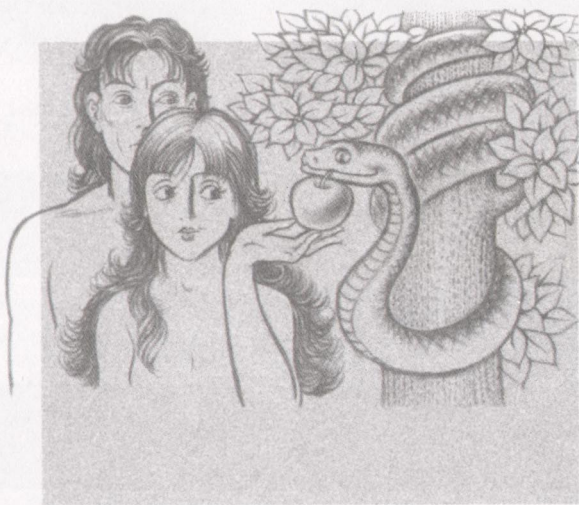
* * *

Унеси меня, Волга,
на Каспий седой
и назад вороти,
на истоки тверские,
где под чистой,
прозрачной,
прохладной водой
бьётся сердце России.

По тебе проплыву
до границы
морской
и обратно вернусь
на озёра лесные,
и тобой обниму,
как сыновней рукой,
дорогую Россию.

“Любовь - не столкновение самолюбий...”

---

* * *

Ты совсем не умеешь
скрыть волнение встречи,
так застенчиво, робко
просишь ласки порой...
И я медлю признаться,
что ответить мне нечем,
что тебя не люблю я,
что давно я с другой.

Да простит Аполлон
мне избитую тему.
Так случается в жизни:
сказать — не сказать...
Нас ведь любят не все,
а влюбляемся все мы.
Пусть открыться — честнее,
но вернее — молчать.

* * *

Мир не видел никогда
столь преступных пар:
ты преступно молода,
я — преступно стар.

* * *

“Освободись от робости одежд, –
сказал Адам, –
ночь так томительна
и так тиха...”

“А ты, – сказала Ева, –
от надежд
на то, что дам
тебе вкусить
от сладости греха!”

И замер мир.
Но был на месте Бог.
И спас людей.
А ночь
была и вправду так тиха!
...И не было б вовеки этих строк,
когда б не Змей
и вся его стратегия
и тактика...

* * *

Ни о чём не жалею,
и не знаю, как быть:
не могу, не умею
я измену простить.

Что люблю – я не скрою.
Но об этом молчи

и вечерней порою
в дверь мою не стучи.

Не ходи возле дома
и засады не строй.
Не гляди обречённо,
мой родной, мой чужой.

В непогоду и в вёдро
ты меня не зови:
стережёт меня гордость –
подруга любви.

Ты прощенья не стоишь –
вот о чём я грущу.
Не стучи – не открою.
Не проси – не пущу.

* * *

С. Я. Маршаку

Мне кажется, все рифмы,
все слова
давным-давно оживлены другими,
моя ж поэзия фальшива
и мертва,
и образы её,
как псевдонимы, –
знакомы и просты,
как дважды два.

И кажется, не вырваться
“ни в жись”
из этого сплошного заболота.
И невдомёк
взглянуть не ввысь —
а вниз,
где без стыда, из сора
и из пота,
цветы стихов у *Анны* родились!

Но я упорно всё пишу, пишу,
и мне в награду выпадает случай,
когда в *подвалах слов* я нахожу
сокровища нетронутых созвучий,
которые к ногам Твоим сложу...

* * *

Будь трижды проклята,
стократ благословенна
ты, память,
что от века мне дана.
В душе моей
хранишь ты неизменно
событья, даты, лица,
имена —
как древние на камне
письмена.

Но власть твоя,
увы, не безгранична:

смирят время
боли старых ран,
и смерть,
неумолимо и привычно
отмерив срок,
который жизни дан,
погасит памяти
сверкающий экран.

Я не решаюсь
памяти доверить
излучья губ,
бровей твоих разлёт.
Я не желаю
малой меркой мерить
любовь большую,
что во мне живёт.
Она со мной в могилу
не уйдёт.

Она навек останется –
живая,
в нетленный ритм строки
заключена!
...Пусть через много лет,
стихи мои читая,
Он объяснится Ей.
И пусть Ему Она
поверит,
правдой слов
покорена!

ДУМА ПРО НЛО

Почему, вы мне объясните, –
может, люди такими созданы? –
почему они
метеориты
называют падающими звёздами?

Почему, увидев сияние,
они испытывают волнение
и загадывают желания,
твёрдо веря в их исполнение?

Может, звёзды те –
чьи-то судьбы?
Может, это сгорают ракеты?
Может, рвутся к земному свету
иноплеменные, инопланетные...
люди?

Я не хочу называть их иначе,
фальшивыми, выдуманнами словами,
даже, если они –
просто чёрные ящики
с неосуществившимися мечтами.

Может,
они нам по-страшному чужды.
А, может, похожи на нас
хоть малость.
Может, знакомы им
наши чувства –

радость и горечь,
боль и усталость.

Может, с тоской,
с неземной страстью
они к Земле стремятся веками.
...И передают информацию
о счастье,
воспринимаемую только влюблёнными
чужаками.

* * *

Если что – не носи вдовье.
Не кляни несчастье-нечастье.
Но прошу – вспоминай долго,
словно стал я тебя частью.

Словно стал я твоим небом,
чистотою тебе равным.
Словно стал я твоим делом –
неотложным, большим, главным.

Словно стал я твоим мозгом –
ну куда от меня деться!
Словно стал я твоим морем –
голубой полосой детства.

Словно стал я твоим миром,
и во мне тебе жить столько!
Словно стал я твоим Римом:
все дороги – в меня только.

Словно стал я твоей кровью.
Словно стал я твоим домом.
Ты по мне не носи вдове.
Лучше помни меня долго...

ЗЕМЛЯ, ВОДА И ТЫ

Хорошо, должно быть, безымянным
островам,
забытым в океане,
приносить
надежду на спасенье
потерпевшим кораблекрушение!

Перед ними все бледнеют порты –
лондоны, гонконги
и нью-йорки.
И зовут их моряки не зря
просто и вместительно – Земля.

Хорошо ручью
зелёно-синей
жилкой жизни
виться по пустыне,
чтобы из него напился каждый,
кто устал от зноя
и от жажды.

Он свою судьбу
не променяет

на величье донов
и дунаев.
И ему сопутствовать всегда
будет имя гордое – Вода.

Хорошо и островам,
и рекам.
Я ж хочу остаться человеком.
Быть воды живительной нужнее
и земли спасительной нежнее.

Быть таким, как Ты:
воды желанней.
И стоять, как остров
в океане.
И чтоб звали так
из века в век,
коротко и просто:
Человек.

* * *

Зачем тружусь?
Зачем бумагу тру?
Зачем ломаю,
выправляя, строчки?

Лишь только для того,
чтоб поутру
свои стихи Тебе послать
по почте.

Я сегодня один.
Вспоминаю тебя.
Ты мне издали кажешься
очень хорошей.
Может, вяжешь.
А может, купаешь ребят.
И вздыхаешь:
мол, сильно на папу похожи.

И мне так захотелось
к тебе прилететь,
постучаться знакомым,
единственным стуком,
осторожно на спящих детей
посмотреть
в окружении книг
и измученных кукол.

Я сегодня один.
Вспоминаю Урал,
и Свердловск,
и аллеи Центрального парка.
Это город-судьба.
В нём начало начал.
Для меня он звездой стал
далёкой и яркой.

И мне так захотелось
пройти в тишине

по проспектам
в простом обрамленьи акаций
и увидеть места,
где досталась ты мне,
те места,
где могла бы ты мне
не достаться...

Я сегодня один.
Нет, с бутылкой вдвоём:
всё же праздник,
хотя и не круглая дата.
Я сегодня один.
Вспоминаю наш дом.
И пишу о любви,
как бывало когда-то.

Извини.
Я слегка захмелел
и раскис.
И расслабился даже
чуть-чуть,
на минутку,
как неопытный
глянувший вниз
альпинист:
всё же дюжина лет
вместе прожита,
шутка ль!

И хотя далеко ещё наш Эверест,
и пока мы с тобой
только папа и мама,
но из разных, далёких,
заснеженных мест
мы сегодня
друг другу пошлём телеграммы.

* * *

Любовь – не столкновение
самолубий,
а самоотречения союз.
Но как порою
мы бываем грубы,
неся по жизни
этот хрупкий груз...

Как часто
уберечь не можем сердце,
что лишь для нас стучит,
за нас болит,
от незаметных,
въедливых инфекций –
упрёков мелких
и пустых обид,

от бранных слов,
случайно обронённых,
от невниманья,
от красивой лжи,
от липких сплетен

и от слёз солёных,
от муки,
что на дне души лежит.

И незаметно так
идёт на убыль
казавшаяся вечной
прочность уз...
...Сорви с души
коросты самолюбий!
Мы – самоотречения союз.

* * *

Не грусти, что годы
ускоряют бег.
Это просто: в воду
превратился снег.

Это просто: плачет,
по зиме скорбя.
Это просто: значит,
я люблю тебя.

* * *

Ещё из Турции
скворцы
не прилетели.
Зимы
ледовые дворцы
лишь чуть осели.

Но всё слабей
зимы укус.
Начало марта.
Меняет минусы
на плюс
метеокарта.

И соки
в ивовом стволе
уже струятся.
Земля зерну,
зерно земле
всё чаще снятся.

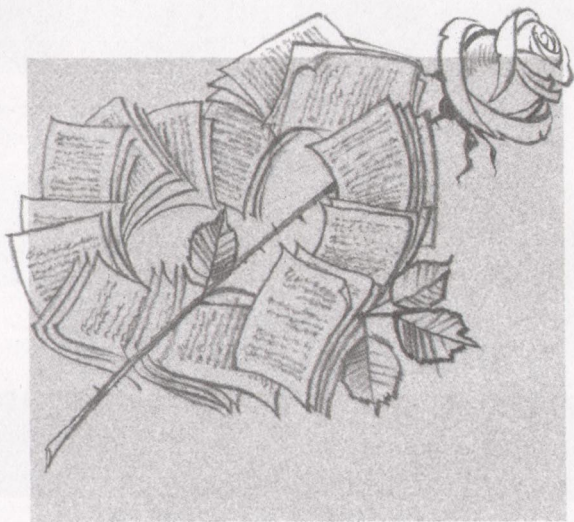
И мир другой,
и я иной,
и ты, родная.
Но мы по-прежнему
с тобой
весну встречаем.

И снова просим:
обнови,
начни сначала!
Четыре века
у любви,
а нам всё мало...

На гребне дружеской волны

ЮБИЛЕЙНЫЕ ПОЖЕЛАНИЯ

Здоровья

Болезнь, хворать, недомогать, недужить,
валяться,
быть прикованным к постели,
лежать пластом,
страдать радикулитом
мы вам не позволяем, возбраняем,
заказываем
впредь до самой смерти
лет этак в сто пятнадцать
с четвертинкой!

Богатства

Беднеть, нищать, скудеть,
стать беспорточным,
убогим, неимущим бедолагой,
с бомжами слиться,
с голью перекатной
и жить среди несчастных,
голоштаных бичей
— на это всё мы налагаем вето,
в солому превращаем
и сжигаем!

Славы

Рвать пуп, ломить, пахать,
не получая
ни премий,
ни наград,
ни поощрений,
ни должностей,
ни званий,
ни регалий,
ни почестей,
ни степеней учёных,
ни похвалы начальника —
всё это,
всё — под замок.
И ключ бросаем в Волгу!

ПРИВЕТСТВИЕ САМАРСКОЙ МОЛОДЁЖНОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Друзья!
Доживши до висков седых,
я понял суть
единства двух явлений:
науки семя —
дело молодых,
а плод — награда старших поколений.

МОЕЙ КОГДА-ТО МАЛЕНЬКОЙ ДОЧУРКЕ

У Алёнки, у девчонки
очень злые волосёнки:
жить друг с дружкой не хотят,
во все стороны торчат.

Лезут в глазки,
лезут в ушки,
лезут в чашку,
лезут в кружку,
лезут в рот
и лезут в нос...
Вот что значит:
жить без кос!

Я Алёнке волосёнки
причешу большой гребёнкой,
чтобы раз и навсегда
злость исчезла без следа!

Чтобы в глазки,
чтобы в ушки,
чтобы в чашку,
чтобы в кружку
впредь не лезли
волоса,
и быстрее росла коса!

КОЛЛЕГЕ

Автогонщик и рыбак,
педагог и плотник,
в деле — дока и мастак,
чудо — не работник.

Мы дотошно провели
синтез и анализ:
недостатков не нашли,
сколько ни старались.

И хвалебные слова
скажем Вам без лести:
руки, ноги, голова —
всё у Вас на месте!

ТОСТ

За любовь.
За ту, что рушит стены.
За любовь,
что всех смертей сильней.
За любовь,
За ту, что неизменна
и прекрасна верностью своей!

О, РИО, РИО!

*Редакционно-издательскому отделу
(РИО) Тверского технического
университета*

“Рио” по-испански — река.
РИО — вечное иго.
РИО-река — на века:
Книга, книга, книга...

Капля с весла — слеза.
Вёсла страниц — серы.
Где ты, пенсия-терра?
Слепнут глаза...

...Но из заказа в заказ
Плывут по РИО галеры
В ритме Янцевич Веры:
Раз-два, раз-два, раз...

ДОНЧАНКАМ
В ДЕНЬ 8 МАРТА

* * *

Назюте

Душа моя тобой опутана.
Весь день хожу я, как шальной.
Зачем, зачем в глаза Назютины
Я глянул нонешней весной?

* * *

Котляревской

Лиля, Лиля, это ты ли?
Мы хотим тебя спросить:
Может, ты решила, Лиля,
Всех нас разом покорить?

Впрочем, от такого плена
Мы не спрячемся за стены.
Мы сдаёмся без войны.
Мы уже покорены...

* * *

Светлане Кабалюк

С утра до ночи слышен стук:
Таскают, пилят и строгают.
Что это?
Света Кабалюк
Своим хозяйством заправляет.

Она готова лечь костью,
И не для славы, не для вида.
...Так почему же, чёрт возьми,
Халат мне до сих пор не выдан?

* * *

Доброгорской

Откуда эта гордость горская?
Откуда сей накал страстей?
О, Лена, Лена Доброгорская,
Не презирай нас! Пожалей!

Чтоб от страданий не засохли мы,
Хоть взгляд, хоть слово подари!
Мы будем под твоими окнами
Петь серенады до зари.

Себя почувствуем героями,
Когда махнёшь ты нам платком.
...А если обольёшь помоями –
Вдохнём и снова запоём.

* * *

Пеньковой

Нет слова такого,
Чтоб лезла Пенькова
За словом за этим в карман:
Причешет, отбреет,
Пригладит, пригреет
И голову сунет под кран.

Но снова и снова
Мы любим Пенькову.
Что делать? Любовь-то ведь зла...
Как видно, успела,
Запала, задела,
Достала, сумела, смогла!

* * *

Голоперовой

Таня манит, Таня тянет.
Счастлив тот, кто Танин станет.
Мы же смотрим, не дыша:
До чего же хороша!

ОБ АВТОРЕ

Юрий Поташиников родился 8 июня 1933 года в городе Донецке. Окончил физико-технический факультет Уральского политехнического института (Свердловск). Там же защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Преподавал в вузах Нижнего Тагила и Донецка. С 1973 года – в Твери, заведует кафедрой химии ТГТУ. Этим определяется область его профессиональных интересов.

Иная сфера, “вторая колея” профессора Поташиникова – литература. В 1960–1962 годах он был главным редактором стенной сатирической газеты “БОКС” (Боевой Орган Комсомольской Сатиры) Уральского политехнического института, в 1997 и 1998 годах – автором и ответственным за выпуск коллективных стихотворных сборников “Лирические окна” (Тверь, Издательство ТГТУ), а в 1999-м – одним из авторов сборника “Уральские физтехы” (Москва, Издательство ЦНИИАТОМИНФОРМ). С 1964 года публикует свои произведения в периодической печати.

“Другая колея” – первый сборник стихов, в которых вечные, традиционные, а иногда и вовсе тривиальные темы порой звучат по-новому, проходя через образное восприятие автора.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Кирпичик с личным клеймом. А. Гевелинг . . . . .</i>	5
“Незримым кодом дальняя звезда...”	
“Отцвелось, отгрохоталось грозами...”	9
“Есть в увядании природы...”	10
“Отзвенел, отгорел закат...”	10
“Помню: сорок пятый, Запорожье...”	11
Нижний Тагил	13
“Вижу нежную зелень...”	15
“В поэзии все формы бытия...”	15
“Когда перрон бесшумно поплывёт...”	16
“Это так, к сожаленью...”	17
Джордано	19
“Всё больше с каждым днём...”	20
“Пусть годы вскачь...”	21
Розы Донецка	21
“Снег шёл всю ночь...”	22
Баллада о хирурге	24
“Люблю стихи глубокие...”	26
“Провинциальные перроны”	27
“Солнце греет и светит...”	28
Революционный этюд	29
Баллада о сосне	30
“Двадцать остановок до Свердловска...”	32
“Незримым кодом дальняя звезда...”	34
Календарь двадцатого века	35
“Унеси меня, Волга...”	36
“Любовь – не столкновенье самолюбий...”	
“Ты совсем не умеешь скрыть волнение...”	39
“Мир не видел никогда...”	39
“Освободись от робости одежд...”	40
“Ни о чём не жалею...”	40
“Мне кажется: все рифмы, все слова...”	41
“Будь трижды проклята...”	42
Дума про НЛО	44
“Если что – не носи вдовье...”	45

Земля, вода и ты	46
“Зачем тружусь?...”	47
“Я сегодня один...”	48
“Любовь – не столкновение самолюбий...”	50
“Не грусти, что годы ускоряют бег...”	51
“Ещё из Турции скворцы не прилетели...”	51

На гребне дружеской волны

Юбилейные пожелания	55
Приветствие Самарской молодёжной Академии наук	56
Моей когда-то маленькой дочурке	56
Коллеге	57
Тост	58
О, РИО, РИО!	58
Дончанкам в день 8 Марта	59

Юрий Моисеевич Поташников

ДРУГАЯ КОЛЕЯ

Стихи

Редактура автора

Технический редактор *Л. А. Бадеева*

Компьютерный набор *Т. И. Шрам*

Корректор *В. Б. Круглова*

Подписано в печать 4. 01. 2004.

Формат бумаги и доля листа 70х90^{1/32}.

Печать офсетная. Объём 2,0. Усл.-п.л. 2,34. Заказ № 5015.

Тираж 500 экз. Изд. № 01. Цена свободная

ГУПТО “Тверское областное книжно-журнальное издательство”
г. Тверь, пр. Чайковского, 26

ГУПТО Тверская областная типография,
г. Тверь, Студенческий пер., 28

